

ТРЕЩИНА ДАРИЯ

ΔΑΡΕΙΟΥΣ Единство без тождества

ΔΑΡΕΙΟΥΣ

ΔΑΡΕΙΟΥΣ

ΔΑΡΙЙ

DARIC

ПАНЦЕНТРИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ

ФЕНИКС ФЛАММ

Феникс Фламм

**Трещина Дария:
Единство без тождества**

«Автор»

2026

Фламм Ф.

Трещина Дария: Единство без тождества / Ф. Фламм — «Автор»,
2026

Что, если реальность — не единое целое, а трещина, в которой сосуществуют бесконечные центры? «Трещина Дария» — панцентрический трактат, исследующий природу единства, которое не требует тождества. Это философское путешествие сквозь слои сознания, языка и онтологии, где каждый центр — отдельная вселенная, но все вместе они образуют нечто большее, чем сумма частей. Книга предлагает новый концептуальный каркас для понимания мира: от античных корней термина «Дарий» до современных теорий сложности и нелинейности. Автор вводит читателя в лабиринт идей, где математические закономерности переплетаются с мифологическими образами, а научная фантастика становится инструментом метафизического исследования. Для кого эта книга? Для тех, кто ищет не готовые ответы, а новые вопросы — и готов пройти через трещину, чтобы увидеть реальность иначе.

© Фламм Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение. Возвращение в Александрию	5
Часть I. Одно имя — разная мера	10
Глава 1. Три кислорода	10
I	10
II	10
III	11
IV	11
V	11
VI	12
Глава 2. Имя и мера	13
I	13
II	13
III	13
IV	14
V	14
VI	14
VII	15
Глава 3. Ошибка Дария	16
I	16
II	16
III	17
IV	17
V	18
VI	18
VII	18
VIII	18
Глава 4. Статистическое исчезновение	20
I	20
II	20
III	20
IV	21
V	21
VI	22
VII	22
VIII	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Феникс Фламм

Трещина Дария: Единство без тождества

«Я — Дарий, великий царь, царь царей, царь стран, содержащих все виды людей...»

«Не моя воля, чтобы слабому было причинено зло сильным, и не моя воля, чтобы сильному было причинено зло слабым».

— Дарий I, надпись в Накш-и-Рустам (ок. 500 г. до н. э.)

Введение. Возвращение в Александрию

Есть имена, которые кажутся настолько цельными, что мы забываем спросить: из чего, собственно, состоит их единство?

Александр.

Империя.

Народ.

Бог.

Я.

Каждое из этих слов обещает нам простоту. Оно собирает множество голосов, тел, поступков, поражений, желаний, воспоминаний и противоречий в одну удобную форму. Имя делает мир переносимым. Оно даёт возможность сказать: «это — одно».

Но вместе с этой возможностью возникает соблазн: принять общее имя за полное тождество того, что им названо.

Так рождается ошибка Дария.

Ошибка Дария не в любви к порядку. Не в стремлении к связи, общности или единству. Порядок необходим. Связь необходима. Даже единство необходимо: без него мир распался бы на несообщающиеся осколки, каждый из которых был бы обречён на собственную немоту.

Ошибка начинается в тот момент, когда единство требуют оплатить одинаковостью.

Когда одному имени приписывают одну допустимую меру.

Когда целое объявляет себя правом распоряжаться различиями своих частей.

Когда центр, оказавшийся в выгодной позиции, перестаёт быть центром среди центров и провозглашает себя единственным источником меры.

Так говорит Дарий:

Единство = одинаковость

Он обещает ясность. Он обещает безопасность. Он обещает мир, в котором всё можно сосчитать, распределить, назвать, привести к норме и, следовательно, удержать под контролем. В мире Дария различие терпимо лишь до тех пор, пока оно не мешает таблице. Пока не портит статистику. Пока не требует нового языка.

Он не всегда сжигает инаковость. Иногда это слишком громко, слишком заметно, слишком дорого.

Чаше он делает иначе.

Он помещает различие в такую малую графу, что оно перестаёт казаться реальным.

«Это исключение».

«Это погрешность».

«Это редкий случай».

«Этим можно пренебречь».

И однажды тот, кого долго называли несущественным, начинает сомневаться в собственном существовании.

* * *

Но реальность устроена сложнее, чем её административная версия.

В начале XX века физика столкнулась с простым и почти неудобным открытием: атомы одного и того же химического элемента могут быть не вполне одинаковыми. У них может быть одно имя, одна химическая принадлежность, один атомный номер — и при этом разная внутренняя мера.

Кислород остаётся кислородом потому, что в его ядре восемь протонов. Это его элементное имя, его место в периодической системе, его узнаваемость в мире материи. Однако природный кислород существует в нескольких стабильных изотопах: ^{16}O , ^{17}O и ^{18}O . Они различаются числом нейтронов, а значит — массой и некоторыми физическими свойствами. Почти весь кислород вокруг нас — ^{16}O ; ^{17}O и ^{18}O встречаются значительно реже. Но редкость не превращает их в ошибку природы.

Перед нами не доказательство философской доктрины и не религиозная аллегория, выданная за науку. Химия не диктует человеку мораль; молекула не пишет конституцию; изотоп не может сам по себе обосновать свободу. Эта книга не выводит панцентризм из кислорода.

Но наука иногда делает нечто иное, не менее важное: она разрушает ложное ощущение логической неизбежности.

Она показывает, что возможна структура, в которой общее имя не отменяет внутреннего различия. Что единая принадлежность не требует полной одинаковости. Что несходство не обязательно означает разрыв рода. Что одно не всегда означает однообразное.

Изотопы не объясняют человека. Они не оправдывают общество. Но они напоминают: требование тождества не является законом бытия. Оно является выбором — часто политическим, иногда испуганным, нередко насильственным.

Это и есть первый жест панцентризма.

* * *

Панцентризм начинается не с утверждения, что центров много. Это было бы слишком легко. Много центров может быть и в хаосе; много голосов может быть и на рынке; много мнений может быть и в шуме, где никто никого не слышит.

Панцентризм начинается с более трудного вопроса:

Как возможно единство, если центры не сливаются?

Этот вопрос нельзя решить ни растворением многих в одном, ни объявлением каждого самодостаточной крепостью. Первый путь ведёт к тождествлению. Второй — к изоляции.

Между ними остаётся узкое, опасное и плодотворное пространство.

Пространство Трещины.

Трещина — не дефект мира. Не досадный сбой, который предстоит замазать. Не знак того, что связь не удалась. И не романтический культ раны.

Трещина — это то, благодаря чему один центр не становится копией другого.

Она не обязательно шумна. Иногда она почти невидима: одно воспоминание, не совпадающее с общепринятой версией; одна мера боли, которую нельзя перевести в чужие единицы; одна интонация; одна ошибка, оказавшаяся не ошибкой; одна жизнь, не помещающаяся в катерию, созданную для её описания.

Трещина отделяет — но не только отделяет.

Она создаёт расстояние.

А расстояние делает возможным отношение.

Там, где нет расстояния, нет встречи: есть слияние, подчинение или безразличная однородность. Там, где расстояние превращено в непроходимую пропасть, нет связи: есть изоляция, война или молчаливое сосуществование чужих миров.

Отношение начинается не там, где различие устранено, а там, где оно признано и не превращено в приговор.

Поэтому движение этой книги можно выразить так:

Трещина → Отношение → Сонапряжение.

- Трещина говорит: «Я не тождествен тебе».
- Отношение отвечает: «Я не замкнут от тебя».
- Сонапряжение утверждает: «Мы можем оставаться различными, не разрушая общую форму».

Сонапряжение не означает согласия во всём. Оно не обещает покоя. В самом слове есть напряжение — и оно должно остаться. Всякая настоящая связь требует времени, усилия, риска быть изменённым, способности не получать окончательного ответа немедленно. Она требует выдерживать другого не как зеркало и не как материал для переделки, а как центр, чья мера не обязана совпасть с моей.

Поэтому сонапряжение не является мягкой этикой примирения. Это строгая дисциплина несводимости.

Она имеет предел.

Не всякое различие поддерживает связь. Есть различие, которое требует уничтожить другого как центр. Есть мера, для которой присутствие иной меры невыносимо. Есть власть, способная признать другого лишь в обезвреженной форме: как декорацию, статистическую малость, этнографическую подробность, исключение, которое не меняет правила.

С таким требованием нельзя сонапрягаться.

Свобода одного центра не может состоять в праве отменить центричность другого.

Свобода центра заканчивается там, где он разрушает центричность другого.

Это не ограничение свободы извне. Это её условие. Центр, которому позволено отменять другие центры, в конце концов остаётся один — и перестаёт быть центром среди мира. Он становится пустой точкой власти, окружённой молчанием.

* * *

Панцентризм не утверждает, что все центры одинаково сильны. Это было бы столь же ложным, как дариево требование одинаковости. Центры различаются опытом, телом, доступом к языку, способностью к действию, историческим весом, функцией в общей структуре. Одни оказываются в позиции, где их голос звучит громче. Другие вынуждены бороться даже за право быть услышанными.

Но неравенство силы не есть доказательство неравенства достоинства.

Онтологическое достоинство ≠ функциональная роль ≠ социальная
власть

В молекуле озона один атом занимает центральную структурную позицию, а два других располагаются на краях. Однако центральность положения не делает его «более кислородным», чем остальные. Более того, электронная связь в озоне не принадлежит одному атому как частная собственность: её описание требует языка резонанса, потому что ни одна одиночная схема

не исчерпывает реальную структуру молекулы. Реальность связи распределена; она проходит через целое.

Это второй образ, к которому будет возвращаться книга.

Озон — O_3 — не образец общества и не модель Бога. Он не «доказывает» панцентризм. Но он позволяет увидеть форму, в которой целое не сводится к сумме, а связь не сводится к власти одного. Есть центральная позиция — но нет права центра объявить себя единственной сущностью. Есть единство молекулы — но нет обязанности её атомов стать одним атомом. Есть структура — но она не отменяет различия мест внутри структуры.

Мысль о трёх изотопах кислорода добавляет к этому образу другое измерение. ^{16}O , ^{17}O и ^{18}O носят одно имя, но несут разную ядерную меру. В редких изотопологах озона эти различия могут входить в единую молекулу, не исчезая в ней. В атмосфере формирование озона связано с необычными изотопными эффектами, из-за которых тяжёлые изотопы кислорода могут оставлять различимый след.

Связь не обязана стирать различие.

Иногда связь делает различие читаемым.

* * *

И всё же эта книга не о кислороде.

Она о тех, кого убедили, что одно имя требует одинаковой жизни.

О тех, чью меру объявили второстепенной, поскольку она не совпадает с господствующей нормой.

О тех, кто перепутал общность с поглощением.

О тех, кто однажды обнаружил трещину в привычной картине мира — и понял, что через неё проходит не только холод разрушения, но и свет другого возможного порядка.

Этот порядок не обещает избавить нас от конфликтов. Он не отменяет боли, несовместимости, борьбы, неравенства и необходимости принимать решения. Панцентризм не является утопией бесконечной терпимости. Он не говорит: «всякая мера должна быть сохранена любой ценой». Он говорит другое:

Ни одна мера не вправе требовать отмены другой только потому, что она сильнее, привычнее, многочисленнее или лучше оснащена языком власти.

Целое в этом порядке реально. Но оно не является верховным центром, которому принадлежат остальные. Оно существует как след, среда и форма множества отношений. Оно возникает между центрами, действует на них, хранит их память, создаёт для них условия — и всё же не получает права стать их владельцем.

Целое не выше центров.

Оно — то, что происходит между ними.

И потому вопрос этой книги не в том, как устранить Трещину.

Вопрос в другом:

Как не позволить ей стать пропастью — и не залить её бетоном тождества?

На этот вопрос нет единственного окончательного ответа. Всякий окончательный ответ слишком легко становится голосом Дария. Но есть путь: различать имя и меру; отличать роль от достоинства, силу от права, связь от поглощения, свободу от разрешения уничтожать свободу другого.

Этот путь требует сопнапряжения.

Он требует признать, что мы носим общие имена — человек, живой, гражданин, сын, дочь, друг, враг, народ, тело, сознание, мир, — но не обязаны быть одинаковыми, чтобы принадлежать одному миру.

Панцентризм начинается там, где центр перестаёт спрашивать:

«Как сделать другого похожим на меня?»

И впервые спрашивает:

«Как остаться собой рядом с тем, кто не станет мной?»

* * *

Добро пожаловать в Пан-Центрику.

Часть I. Одно имя — разная мера

Глава 1. Три кислорода

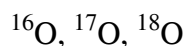
I

Кислород — восьмой элемент периодической системы. У него восемь протонов в ядре. Это его имя, его место, его химическая судьба. Восемь протонов делают кислород кислородом, а не азотом, не углеродом, не фтором.

Это имя кажется незыблемым.

Но внутри этого имени есть пространство.

У природного кислорода есть три стабильных изотопа. У всех трёх — восемь протонов. У всех трёх — одна химическая идентичность. Но число нейтронов различно: 8, 9 и 10.

Все три — кислород. Но они не полностью тождественны.

Подавляющая часть природного кислорода представлена изотопом ^{16}O : его доля составляет около 99,76 %. На долю ^{17}O приходится примерно 0,0375 %, а на долю ^{18}O — около 0,200 %. Они редки. Но редкость — не дефект и не онтологическая вина. Это другая мера того же имени.

Если бы кто-то требовал, чтобы кислород существовал только в одном виде, чтобы ^{17}O и ^{18}O были «исправлены» или «исключены», он бы требовал невозможного. Или требовал бы уничтожить само разнообразие материи.

Но такого требования никто не предъявляет. Потому что мы привыкли к изотопам. Мы не видим в них угрозы.

А что, если бы мы видели?

II

Изотопы — это трещина внутри имени.

Они не меняют элементную принадлежность. Они не делают кислород чем-то другим. Но они показывают, что общее имя не исчерпывает того, кто его носит. Что внутри тождества есть различие. Что единство элемента не требует одинаковости его атомов.

В этом смысле изотопы — материальный образ центра.

Центр — не точка, не замкнутая монада, не неделимая частица. Центр — это единица, которая:

- принадлежит общему миру (имеет общее имя),
- несёт несводимую меру (имеет свою внутреннюю конфигурацию),
- сохраняет способность к отношению (не замкнута на себя).

^{16}O , ^{17}O и ^{18}O — три изотопа одного элемента с разной внутренней мерой. Они не становятся друг другом и не требуют исправления под одну меру. В редких изотопологах озона атомы кислорода разных изотопов могут войти в одну молекулу, не утратив изотопического различия.

Это не закон, выведенный из химии, а форма, которую химия позволяет увидеть: единство может не требовать поглощения различного.

III

Разумеется, Дарий не спорит с физиками о таблице изотопов. Он опаснее: он переносит свою логику на всё, что носит общее имя.

Дарий — не персонаж одной эпохи. Это имя для любой силы, которая утверждает: «Одно имя требует одной меры».

Он не обязательно злодей. Он может быть бюрократом, учёным, родителем, идеологом, внутренним голосом. Он говорит голосом порядка, ясности, управляемости.

«Так проще».

«Так чище».

«Так понятнее».

«Так безопаснее».

И это правда: проще, чище, понятнее, безопаснее. Если все центры одинаковы — их легче учитывать, классифицировать, прогнозировать, контролировать. Дарий предлагает мир без трещин. Мир, в котором различие либо устранено, либо спрятано в статистическую графу «редкие случаи».

Но правда Дария — не вся правда.

Она игнорирует один важный факт: различие не всегда возникает как ошибка. Иногда оно возникает как условие.

Без различия между ^{16}O , ^{17}O и ^{18}O не было бы изотопологии. Не было бы изотопного фракционирования. И озон не оставлял бы тех тонких следов, по которым можно читать историю его образования.

Различие не создаёт связь из ничего. Но оно делает связь различимой.

IV

Молекула озона — O_3 — состоит из трёх атомов кислорода. В подавляющем большинстве случаев они представлены ^{16}O ; значительно реже в молекулу входят ^{17}O или ^{18}O . Такие изотопически различающиеся варианты называют изотопологами.

Базовая химическая идентичность сохраняется: это всё ещё озон. Но внутренняя изотопная мера оставляет след — в массе, спектре и атмосферной судьбе молекулы.

Их существование не меняет химию озона радикально. Озон остаётся озоном. Он не становится «другим веществом». Но его внутренняя мера меняется. Он становится тяжелее. Его спектр смещается. Его поведение в атмосфере чуть-чуть иное.

Это почти незаметно.

Именно так устроена власть: она почти незаметно превращает различие в статистическую малость. Она говорит: «Ты существуешь, но твоё существование не меняет правил. Ты — исключение. Ты — погрешность. Ты — редкий случай. Ты — ^{17}O . Ты не исчез, но ты незначителен».

И однажды тот, кого долго называли «незначительным», начинает сомневаться: а существует ли он вообще?

V

Ответ панцентризма: да, существует. И твоя мера — не ошибка.

Твоя мера — не отклонение от нормы, а сама норма, увиденная с другой стороны. Ты — не редкий случай, а один из способов быть центром. Ты — не исключение, а голос, который тоже принадлежит общему имени.

^{17}O не менее полноценный кислород, чем ^{16}O . Он просто другой. И его инаковость не требует исправления. Она требует признания.

Это не призыв к безразличной терпимости. Это призыв к различению.

Различать: где общее имя сохраняет связь, а где оно становится орудием поглощения. Где различие делает целое более сложным, а где оно разрушает его. Где сонапряжение возможно, а где оно становится насилием.

Изотопы не дают ответов на эти вопросы. Но они дают образ.

Образ, в котором единство не требует тождества. В котором центры сохраняют свою меру внутри общего поля. В котором связь возможна без поглощения.

VI

В следующих главах мы будем двигаться от этого образа дальше.

От изотопов — к озону.

От озона — к резонансу.

От резонанса — к сонапряжению.

От сонапряжения — к пределу различия и к условиям свободы.

И везде мы будем возвращаться к одному и тому же вопросу:

Как возможно единство, если центры не сливаются?

Этот вопрос не имеет простого ответа. Но он имеет направление. И это направление — панцентризм.

* * *

Три кислорода носят одно имя. Каждый из них может нести свою меру. Их связь не отменяет различия: она делает из различия целое.

Глава 2. Имя и мера

I

Имя — это первое, что мы получаем.

Раньше, чем мы можем сказать «да» или «нет», раньше, чем узнаём, кто мы, нам дают имя. Оно приходит извне. Оно не выбирается. Но постепенно становится нашим: тем, что мы носим, чем нас зовут, что пишем в документах, что слышим в голосе другого.

Первое имя приходит извне. Но не всякое имя остаётся чужим. Некоторые имена мы принимаем, некоторые отвергаем, некоторые выбираем или выковываем сами. И всё же даже выбранное имя становится действительным лишь тогда, когда его способен произнести другой.

Имя — мост между внутренним и внешним.

Оно не создаёт нашу уникальность. Но оно даёт ей устойчивое место в общем мире. Без имени мы не перестали бы быть различными; мы были бы труднее узнаваемы, труднее призываемы, труднее удерживаемы в памяти и языке других центров.

Но всякий мост может стать пропускным пунктом.

Имя открывает доступ к миру — и потому может быть превращено в механизм допуска. Оно может стать не способом узнать другого, а способом решить, достоин ли он быть известным.

II

Имя — это общее. Мера — это единичное.

Имя говорит: «ты — кислород». Мера говорит: «ты — ^{18}O ».

Эти два регистра не противоречат друг другу. Они нужны друг другу. Без имени мера была бы неразличима. Без меры имя было бы пустым.

Но между ними есть зазор.

И в этом зазоре живёт Трещина.

III

Дарий хочет не просто закрыть этот зазор. Он хочет распоряжаться им.

Иногда он сводит меру к имени: «Ты всего лишь один из».

Иногда он навязывает имени единственную меру: «Если ты носишь это имя, ты обязан быть таким».

В первом случае он обезличивает. Во втором — нормирует. В обоих случаях он уничтожает центр.

Его уравнение:

$$\text{Имя} = \text{Мера}$$

Это уравнение соблазнительно. Оно обещает ясность. Оно обещает порядок. Оно обещает, что мир будет читаемым, предсказуемым, управляемым.

Но у этого уравнения есть цена.

Оно исключает всё, что не укладывается в одну меру. Оно делает ^{17}O и ^{18}O статистической малостью. Оно делает другую жизнь, другую идентичность, другую меру — редким случаем, которым можно пренебречь.

Имя превращается в инструмент нормы. Оно перестаёт быть общим полем. Оно становится границей, за которой начинается несуществование.

IV

Панцентризм предлагает другой подход.

Он не отказывается от имени. Он не утверждает, что имена иллюзорны или что каждый центр должен иметь своё уникальное имя. Это привело бы к изоляции: мир, где у каждого своё имя и нет общей связи, — это мир без языка.

Панцентризм принимает имя как общее поле. Но он настаивает на том, что имя не определяет меру. Оно не требует, чтобы все носители имени были одинаковыми.

Имя $\neq$ Мера

Общее имя — это условие связи. Различная мера — это условие несводимости.

Без общего имени центры не могли бы говорить друг с другом. Без различной меры им нечего было бы сказать друг другу.

И здесь возникает тройственная формула, которая задаёт архитектуру всей книги:

Имя без меры = ярлык

Мера без имени = немота

Имя + мера + отношение = центр

- Одно только имя превращает человека в классификационную единицу.
- Одна только внутренняя мера, лишённая языка и признания, не может стать голосом в общем мире.
- Центр рождается не из изоляции, а на пересечении принадлежности, несводимости и отношения.

V

Центр — это не просто «обладатель имени».

Центр — это единица, которая:

- носит общее имя (принадлежит миру, языку, роду),
- несёт свою меру (имеет внутреннюю конфигурацию, историю, память),
- способен к отношению (не замкнут на себя, но и не поглощён целым).

Центр — не точка, не атом, не монада. Центр — это узел связи между именем и мерой. В этом смысле центр всегда находится в напряжении.

С одной стороны, он принадлежит общему. С другой — он является собой. Он не может отказаться от имени, не потеряв связь с миром. Он не может отказаться от меры, не потеряв себя.

Имя даёт ему место. Мера даёт ему голос.

Дарий хочет отнять меру, оставив только имя.

Панцентризм говорит: мера не отменяет имя. Она делает его живым.

VI

Мера — не статична.

Она не является раз и навсегда заданным свойством. ^{18}O не становится ^{16}O , но его мера может быть прочитана, зафиксирована, переосмыслена. В человеческом центре мера меняется

во времени: память, опыт, выбор, отношения — всё это меняет внутреннюю конфигурацию центра.

Мера = память + опыт + выбор + отношения

Центр не остаётся тем же центром. Но он остаётся центром.

Это называется метамерой — способностью центра менять свою внутреннюю меру, не теряя непрерывности имени. Не «стать другим вместо себя», а «стать собой иначе».

Но не всякая перемена есть метамера. Метамера не отменяет автора изменения. Она возможна лишь там, где центр участвует в собственной перемене как субъект, а не подвергается ей как материал.

Метамера = изменение меры при сохранении субъектности центра

Принудительная пересборка личности — не метамера, а дариевское присвоение меры.

Дарий боится метамеры. Он предпочитает фиксированную меру: так легче учитывать, классифицировать, прогнозировать, контролировать.

Но центр — не документ. Он — процесс. Он — не статика. Он — событие.

VII

В следующей главе мы увидим, как Дарий превращает требование тождества в политическую практику.

Как он использует статистику, чтобы сделать инаковость невидимой.

Как он убеждает центры, что их мера — ошибка.

И как панцентризм отвечает на это не отрицанием Дария, а различием.

Но прежде чем перейти к Дарию, важно зафиксировать:

Имя не равно мере. И это не ошибка.

Это условие жизни. Без этого условия не было бы ни встречи, ни различия, ни связи.

Только однородная масса, в которой никто никого не узнаёт.

* * *

Одно имя — не тождество. Одна мера — не исчерпание. Центр — это узел, где имя встречается с мерой, мера — с отношением, а отношение — со свободой.

Глава 3. Ошибка Дария

I

Дарий не был глупцом.

Исторический Дарий III, последний царь Ахеменидской державы, проиграл Александру при Иссе и Гавгамелах. Но поражение не превращает его в карикатуру — в труса, невежду или пустую фигуру, которой история пользуется только для того, чтобы ярче осветить победителя.

Он унаследовал одну из крупнейших держав древнего мира: сложную систему провинций, дорог, налогов, архивов, мер, языков и приказов. Этот порядок не был создан им одним. Он складывался поколениями ахеменидских царей, особенно при Дарии I, за много десятилетий до Дария III. Сатрапии, ежегодная дань, стандартизация денежных и измерительных систем, бюрократическое употребление арамейского языка — всё это позволяло связывать территории от Египта до Индии в одну политическую форму.

И всё же эта книга не судит Дария III как историка судят царя. Она делает его именем.

Дарий — это не только человек на колеснице, отступающий при Гавгамелах. Это принцип, согласно которому сложность мира должна быть сведена к форме, удобной для управления.

Дарий умеет считать.

Он знает цену единообразным мерам, общему языку администрации, реестрам, границам, нормам, правилам. Он знает: чтобы удержать большое, его следует сделать обозримым.

И здесь начинается не его вина, а его ошибка.

Ошибка Дария — не в любви к порядку. Порядок необходим. Связь необходима. Даже единство необходимо. Ошибка начинается в тот момент, когда средство понимания превращается в требование к самому бытию. Когда мера учёта становится мерой человека. Когда норма объявляет себя полнотой мира.

Дарий не обязательно хочет уничтожить различие. Он хочет сделать его управляемым.

Но различие, которое допускается лишь в форме, удобной для учёта, уже перестаёт быть признанным различием.

II

В языке Дария нет изотопов.

В его языке ^{16}O , ^{17}O и ^{18}O — не разные меры одного имени, а сбои, исключения, редкие случаи. Всякое различие, которое не служит порядку, подлежит исправлению или игнорированию.

Он не всегда уничтожает.

Иногда он просто не включает.

Иногда он помещает инаковость в графу «особые случаи» — и перестаёт о ней думать.

«Это исключение».

«Это погрешность».

«Это редкий случай».

«Этим можно пренебречь».

И это — его самая коварная техника. Не отрицание существования, а отказ в значимости. Не уничтожение, а обнуление веса.

Он не говорит: «тебя нет». Он говорит: «ты есть, но ты не влияешь на правила. Ты — шум. Ты — статистическая малость. Ты — ^{17}O . Ты существуешь, но твоё существование ничего не меняет».

И однажды тот, кого долго называли незначительным, начинает сомневаться в собственном существовании.

III

Дарий — не исторический диагноз одного царя.

Это имя повторяющейся ошибки власти.

Это имя для любой силы, которая утверждает:

Единство = одинаковость

Он может быть бюрократом, учёным, родителем, идеологом, внутренним голосом. Он говорит голосом порядка, ясности, управляемости.

«Так проще».

«Так чище».

«Так понятнее».

«Так безопаснее».

И это правда: проще, чище, понятнее, безопаснее. Если все центры одинаковы — их легче учитывать, классифицировать, прогнозировать, контролировать.

Но это не вся правда.

Империя могла удерживать различие, пока различие оставалось обозримым и переводимым на язык управления. Но сила порядка становится слабостью, когда порядок принимает себя за всю реальность.

IV

Дарий совершает две операции.

Первая: сведение меры к имени.

Он говорит: «Ты — кислород. И всё. Твоя внутренняя мера не имеет значения. Ты — один из многих. Ты — экземпляр категории. Ты — функция».

Это обезличивание. Центр становится единицей учёта. Его уникальная конфигурация объявляется несущественной для определения его места в мире.

Вторая: навязывание имени единственной меры.

Он говорит: «Ты — кислород. Но настоящий кислород — только ^{16}O . Если ты ^{17}O или ^{18}O — ты отклонение. Ты должен быть исправлен».

Это нормирование. Центр должен стать таким, каким его хочет видеть система. Единственная допустимая форма существования — та, которая совпадает со стандартом.

В обоих случаях Дарий уничтожает центр.

В первом — лишая его меры. Во втором — навязывая меру, которая не его собственная.

И есть третья, всё более современная операция:

Превращение меры в данные.

«Я признаю твоё отличие, но только в той форме, в какой оно может быть измерено, учтено и обработано».

Это уже не грубая унификация, а цифровой Дарий: не уничтожает и не приказывает прямо, а переводит живую меру в профиль, метрику, рейтинг, поведенческую модель.

V

Дарий не всегда осознаёт, что делает.

Иногда он искренне верит, что создаёт порядок. Что он защищает мир от хаоса. Что он помогает центру стать «правильным».

Но именно эта искренность делает его опасным.

Дарий не злодей с кривым мечом. Он — администратор с бланком. Он — отец, который хочет, чтобы ребёнок «стал нормальным». Он — учитель, который требует, чтобы ученик «соответствовал стандарту». Он — политик, который уверен, что «единая мера» — это мир.

Дарий убедителен.

И это его главное оружие.

VI

Александр не был ответом Дарию.

Он был его другим пределом: не порядком, который стремится сделать мир одинаковым, а движением, которое стремится сделать мир своим.

Александр не разрушил дариево искушение. Он лишь доказал, что единую форму можно навязать миру не только учётом, но и стремительностью.

Две версии ложного единства:

Дарий = унификация через учёт

Александр = унификация через завоевание

Панцентризм — третий путь. Не между двумя завоевателями, а вне самой логики присвоения мира.

VII

Панцентризм не отвечает Дарию отрицанием порядка.

Он не говорит: «Дарий неправ, потому что порядок — это плохо». Он говорит: «Дарий прав лишь отчасти. Порядок нужен. Но порядок не должен становиться законом бытия».

Ответ панцентризма — различие.

Различать: где порядок служит связи, а где он служит поглощению. Где норма помогает узнаванию, а где она становится механизмом исключения. Где Дарий создаёт безопасность, а где он создаёт пустоту.

Дарий предлагает:

Единство = одинаковость

Панцентризм отвечает:

Единство = связанность различного

Не одинаковость. Связность.

Не стандарт. Отношение.

Не одна мера. Со-напряжение.

VIII

В следующей главе мы увидим, как эта логика работает в структуре молекулы озона.

Как один атом занимает центральную позицию — но не становится «главным кислородом».

Как связь распределена между тремя центрами, а не принадлежит одному.

Как резонанс показывает, что целое не сводится к сумме и не управляется одним центром.

И как эта химическая структура становится образом политической и онтологической альтернативы Дарию.

Но прежде чем перейти к озону, зафиксируем:

Ошибка Дария не в том, что он любит порядок.

Ошибка Дария в том, что он принимает свой порядок за закон бытия.

И требует, чтобы все другие меры подчинились его единице учёта.

* * *

Дарий предлагает мир без трещин. Но мир без трещин — это мир, где различие объявлено ошибкой. А там, где другому запрещено быть другим, невозможна встреча.

Глава 4. Статистическое исчезновение

I

^{17}O существует.

Его типичная доля в природном кислороде — около 0,0375 %. Это маленькая цифра. Почти незаметная. Среди тысячи атомов кислорода ^{17}O может не встретиться вовсе. Он редок. Он необычен. Он не совпадает с наиболее частой формой.

Но он существует.

^{18}O тоже существует. Его доля составляет около 0,200 %.

Он встречается чаще, чем ^{17}O , но всё равно редко: среди тысячи атомов кислорода в среднем лишь около двух будут ^{18}O . Почти все остальные — ^{16}O .

Малочисленность не делает их ошибкой природы.

Но в логике Дария малочисленность становится основанием для незначимости. Если ты редок — ты исключение. Если ты исключение — ты не влияешь на правила. Если ты не влияешь на правила — тебя можно не учитывать.

Дарий не говорит: «Тебя нет». Он говорит: «Ты есть, но твоё существование ничего не меняет. Ты — статистическая малость. Ты — ^{17}O . Ты существуешь, но твоё существование не требует нового языка».

И однажды тот, кого долго называли незначительным, начинает сомневаться в собственном существовании.

II

Статистическое исчезновение — самая коварная техника Дария.

Не уничтожение. Не запрет. Не насильственное исключение. А обнуление веса.

Ты остаёшься. Ты не изгнан. Ты не преследуем. Но твой голос не учитывается при принятии решений. Твоя мера не влияет на норму. Твоё существование признаётся, но признаётся как несущественное.

«Мы вас слышим».

«Мы вас видим».

«Мы признаём ваше существование».

«Но вы — исключение. Мы не можем менять правила ради исключений».

Это логика, которую мы узнаём. Она работает в политике, в экономике, в медицине, в образовании, в культуре, в языке. Меньшинства признаются, но не учитываются. Отклонения регистрируются, но не влияют на стандарт. Редкие случаи описываются, но не меняют диагноз.

Дарий не жесток. Он просто эффективен. Он не уничтожает инаковость — он делает её статистически несущественной.

И это гораздо труднее оспорить.

Статистическая жестокость редко произносит слово «ненавижу». Она говорит: «Мы понимаем. Но ради столь малого числа людей система меняться не будет».

III

^{17}O не просит быть замеченным. Он не может просить. Тем убедительнее факт его присутствия.

Его существование — не аргумент и не лозунг. Это физический факт, который не исчезает от того, что его доля мала.

И всё же его существование имеет значение.

Без различий между ^{16}O , ^{17}O и ^{18}O не было бы изотопологии. Не было бы тех изотопных соотношений, по которым исследуют процессы в атмосфере и происхождение вещества в Солнечной системе. Не было бы масс-независимого фракционирования, замечаемого при образовании озона и оставляющего след в атмосферной химии.

Редкость не равна бесполезности.

Малочисленность не равна незначимости.

Но Дарий не видит этого. Он видит только цифры. Он видит распределение. Он видит, что большинство — ^{16}O . И на этом основании он строит норму.

IV

Панцентризм не отрицает статистики.

Он не утверждает, что все изотопы встречаются одинаково часто. Это было бы ложью.

^{17}O редок, и это факт.

Но панцентризм утверждает: редкость не отменяет центричности.

Центр не перестаёт быть центром от того, что он редок. Центр не перестаёт быть центром от того, что его мера не совпадает с нормой. Центр не перестаёт быть центром от того, что его голос не слышен в статистике.

Редкость $\neq$ несуществование

Малочисленность $\neq$ незначимость

Статистика описывает распределение. Онтология определяет, что существует. Этика решает, что нельзя игнорировать.

Статистика отвечает на вопрос «как часто?». Она не отвечает на вопрос «кто имеет право быть учтённым?».

Это не призыв к игнорированию статистики. Это призыв к различению: статистика описывает распределение, но не определяет онтологический статус.

V

В дариевской системе существует порог видимости — число, после которого различие начинает считаться достойным учёта.

Этот порог всегда произволен. И всегда расположен выше численности тех, кого хотят не замечать.

Если различие не преодолевает порог видимости, система объявляет его несущественным.

Не уничтожение человека, а алгоритм, который признаёт существование только того, что достигло достаточной численности, рейтинга, доходности, электорального веса или измеримой производительности.

Дарий любит статистику.

Она даёт ему власть. Она позволяет ему говорить: «Большинство так живёт — значит, это нормально». «Большинство так думает — значит, это правильно». «Большинство так чувствует — значит, это естественно».

Но большинство — не аргумент.

Большинство — это факт. Иногда полезный. Иногда необходимый. Но никогда не являющийся доказательством онтологического превосходства.

То, что ^{16}O составляет 99,76 % природного кислорода, не делает его «более кислородным», чем ^{17}O . То, что большинство людей разделяют определённые убеждения, не делает эти убеждения истинными. То, что большинство центров соответствуют определённой норме, не делает эту норму законом бытия.

Дарий использует статистику, чтобы превратить частотность в норму. Панцентризм напоминает: частотность — это описание, а не предписание.

VI

Статистическое исчезновение — это не только политическая техника.

Это внутренний голос.

«Ты не такой, как все».

«Твои желания странные».

«Твоя боль не имеет значения».

«Ты — исключение».

«Ты — ^{17}O ».

И однажды ты начинаешь верить, что твоя редкость — это твоя ошибка. Что ты должен стать ^{16}O . Что ты должен соответствовать норме. Что твоя мера должна быть исправлена.

Это голос Дария внутри.

Он не говорит: «перестань существовать». Он говорит: «стань таким, как все». Он обещает безопасность, принятие, принадлежность. Он обещает, что если ты станешь ^{16}O , тебя перестанут игнорировать.

Но цена этого обещания — твоя мера.

VII

Ответ панцентризма на статистическое исчезновение — не в том, чтобы отрицать статистику.

Ответ в том, чтобы помнить:

Редкость — не ошибка.

Редкость — мера.

И каждая мера имеет право на признание, даже если она не влияет на большинство.

Панцентризм не требует, чтобы всякая редкость немедленно стала всеобщей нормой. Он требует, чтобы норма не делала редкость невидимой и не лишала её права на участие в определении условий общей жизни.

Признание $\neq$ унификация правил

Учёт различия $\neq$ отмена общего

^{17}O не должен становиться ^{16}O . Он должен быть признан как ^{17}O . Его редкость не должна быть причиной его исчезновения из языка, из учёта, из нормы.

Это не значит, что норма должна быть отменена. Это значит, что норма не должна выдавать себя за полноту бытия.

VIII

В следующей главе мы увидим, как панцентризм отвечает на вызов статистического исчезновения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.